

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 11–32.

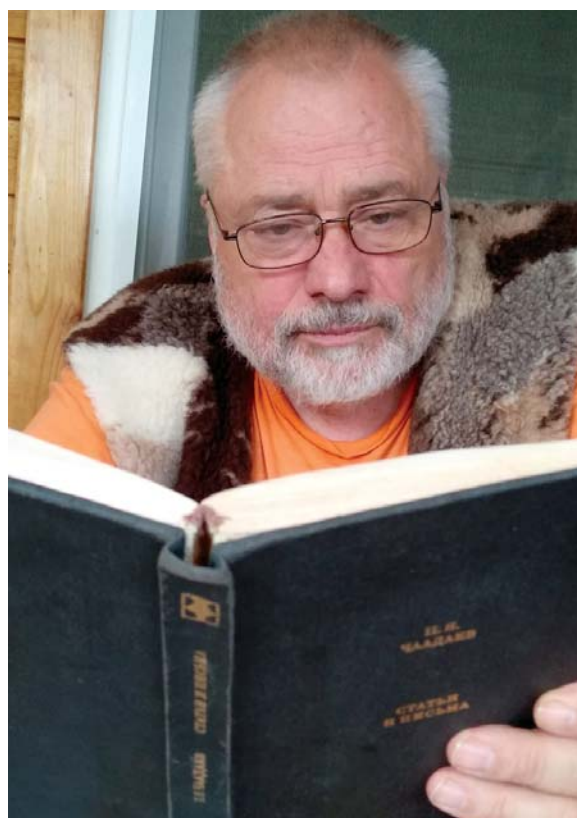
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 11–32.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32

ЭСТОНИЯ КАК ЛЮБОВЬ И КАК ПРОБЛЕМА

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

 Аннотация. В своей статье автор анализирует амбивалентную природу взаимоотношений России и Эстонии. Он показывает близость русских и эстонских писателей и культур-философов. И вместе с тем существует бытовая и политическая русофобия. Отчасти это связано и с историей СССР, подавлением эстонского противостояния большевиками, и с комплексом маленькой страны, которая была вынуждена подчиняться большому соседу. Любовь русских интеллектуалов к Эстонии остается, как и общие угро-финские корни, которые мы чувствуем.

© Кантор В. К., 2022

Ключевые слова: Таллинн, Лотман, Эдуард Тинн, Леннарт Мери, русофобия, Игорь Северянин, немецкий язык, Михельсон, угро-финский субстрат, эстонское посольство, Наталья Горбаневская, Майму Берг, турецкий профессор, Рейн Рауд

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Эстония как любовь и как проблема // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 11–32. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32>.

From the Editor

ESTONIA AS LOVE AND AS A PROBLEM

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article the author analyzes the ambivalent nature of relations between Russia and Estonia. He shows the closeness of Russian and Estonian writers and cultural philosophers. And at the same time, there is the everyday and political Russophobia. This is partly due to the history of the USSR, the suppression of the Estonian confrontation by the Bolsheviks, but also the complex of a small country that was forced to obey a big neighbor. The love of Russian intellectuals for Estonia remains, as well as the common Finno-Ugric roots that we feel.

Keywords: Tallinn, Lotman, Eduard Tinn, Lennart Meri, Russophobia, Igor Severyanin, German, Michelson, Finno-Ugric substratum, Estonian embassy, Natalia Gorbanevskaya, Maimu Berg, Turkish professor, Rein Raud

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. (2022) 'Estonia as Love and as a Problem', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 11–32. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32.

Сегодня это один из уморительно-грозных прибалтийских тигров, рычащих на Россию. Но для меня Эстония была первая и очень долго самая любимая европейская страна. Страна? Ну, скорее всего, страна. Хотя всегда считалась в Российской империи провинцией — Эстляндией. Правили ею прибалтийские немецкие бароны, но верные русские подданные. В советское время она, да и вся Прибалтика, стала своего рода прихожей Европы, но для русских людей почти настоящей Европой. Так получилось, что я побывал во всех трех прибалтийских республиках.

В возрасте четырех лет я попал в детский сад на Рижском взморье, папа постарался. Денег у родителей было очень мало, поэтому отец устроился на рискованную должность старшего пионервожатого, отвечающего за жизнь подростков, весь день торчащих на пляже. Как вспоминаю, дети там были в основном латышские, но говорили все по-русски. К отцу приехал из Риги мамин двоюродный брат Фридрих (Фридка) Гайлис, его отец был из печально знаменитых латышских стрелков, охранявших Ленина. Но в советской Риге он жил хорошо, а его сын Фридка, мамин кузен, даже стал потом мэром столицы. К отцу латышские подростки относились неплохо, ведь имя отца — Карл Моисеевич — звучало не по-русски, даже отчасти по-немецки. А немцы долго Прибалтикой владели и обустроили ее на свой лад. Все эти островерхие черепичные крыши, кирхи, узкие улочки Старого города, да и историческая память, что первая каменная церковь была заложена в 1201 году священником Альбертом, выходцем из Бремена. Если сегодня три прибалтийских тигра рычат и пытаются кусаться, тогда ворчали и совершали как бы случайные мелкие злодеяния. Один эпизод я запомнил, хотя тогда не понял того, что произошло. Но испугался до пустоты внизу живота. Мы с отцом пришли на берег взморья, улеглись на песке рядом с небольшими кустиками. Сравнительно близко летал волейбольный мяч. Среди игравших в волейбол под присмотром учителя физкультуры латышских подростков появился русский мальчик, к нему бросились латышские мальчишки с приветственными возгласами, начали похлопывать по плечам, по спине, русский мальчик только неловко улыбался, как вдруг они его подхватили на руки и принялись подбрасывать со смехом вверх и ловить. Тут внезапно и случилось это страшное. В какой-то момент они раступились. И русский мальчик тяжело упал спиной на утоптаный песок. К

нему побежал физкультурник, побежал и мой отец, у мальчика что-то внутри порвалось, потому что изо рта потекла струйка крови. Быстро сбегали в местную поликлинику, приехали врач и медсестра. И пострадавшего увезли. Мы тоже ушли с пляжа.

Но это, наверно, не самое удачное введение в тему Прибалтики. Хотя и важное, как я дальше покажу. Вообще-то я хотел рассказать о любимой Эстонии и через свой опыт показать ее. У Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича» герой рассуждает так: «Вот, говорят, нация ничего не означает, во всякой, мол, нации худые люди есть. А эстонцев сколь Шухов ни видал — плохих людей ему не попадалось». Пожалуй, я готов с ним согласиться. Именно Эстония в туповатые советские годы разрешила «школу Лотмана». Никто другой в эти годы не мог даже мечтать о таком. Ее иногда, правда, эвфемистически называли «тартуской школой». Впрочем, у Тарту старые университетские корни, знаменитый Дерпт, где учились в позапрошлом и прошлом веках молодые русские интеллектуалы.

Попал я в Таллинн, а потом уже проехал и по другим городам давно, в 1970-м. В том году я поступил в аспирантуру московского Института истории искусств, со мной вместе поступил эстонец Эдуард Тинн, который мой друг и сегодня. Его дед и отец были заслуженные артисты Эстонской ССР. И Эду вырос среди художественной элиты. Но при этом прошел советскую армию, а потом поступил в театральный, притащив за собой пару армейских друзей. Он сразу поразил меня своей твердостью и умением переносить неожиданные удары. Какая-то упрямая, как мне казалось, эстонская нестигаемость. В первые же несколько аспирантских недель ему пришла телеграмма о смерти отца, за месяц до этого умер дед. И дед, и отец давали Эду деньги на жизнь, а у него уже была жена — красавица-еврейка из Харькова по имени Ярослава, они оба окончили ГИТИС, на третьем курсе поженились. Годовалая их дочка очень страдала от последствий менингита, в Москве они нашли знаменитого нейрохирурга, который обещал помощь. Но надо было по меньшей мере жить в столице пару недель. Я предложил свою квартиру, это приятно поразило Эду. Но где достать деньги на операцию? Медицина была тогда бесплатной, но редкие операции всё же стоили денег. А мой новый знакомец после смерти старших оказался на большой мели. Ярослава работала актрисой в таллиннском театре, зарплата мизерная. Эду вернулся в Таллинн и воспользовался тем, что в протестантской Эстонии на похоронах всегда есть человек, который произносит прочувствованную речь о достоинствах покойного. Он стал таким человеком, говорить он умел. Это приносило приличные деньги. Тинн удержался на плаву. И тут одно *nota bene*: существует в нашем сознании устойчивая легенда о медлительно-

сти эстонцев во всем. Стоит эстонец у железной дороги, вдруг видит — идет дрезина, там сидит другой эстонец. Прохожий поднял руку, дрезина остановилась. «Талеко ли до Таллинна?» Ответ: «Нет, не отшень талеко». «Возьмешь с собой?» — «Садись». Едут. Через пару часов снова вопрос: «Талеко ли до Таллинна?» Дрезинщик в ответ: «Та. Теперь отшень талеко». Но Тинн был совсем другой. Настоящий эст, метр восемьдесят, светлые волосы, голубые глаза, широкие плечи, двухчасовые утренние пробежки по берегу моря, быстрая реакция на жизнь, но и невероятная доверчивость. Однако когда со второго курса ГИТИСа его забрали в армию, он быстро сориентировался. После недельной маршировки новобранцев выстроили, и сержант спросил, есть ли среди новеньких фельдшер. Эду сделал шаг вперед: «Так точно. Это я». Он сбегал в казарму и принес документ на эстонском языке, где сказано было, что он окончил школу каменщиков по третьему разряду. Сержант ошалело посмотрел на бумагу, Эду ткнул пальцем: «Вот моя фамилия латинскими буквами — Eduard Tinn. Видишь?» Тогда сержант сказал, что в медпункте лежит еще один новобранец и ему нужно сделать укол. Эду пошел, увидел прыщавую задницу и приказал себе не бояться (уколов раньше он никогда не делал), воткнул шприц куда надо — и весь свой армейский срок отслужил фельдшером.

Эду и оказался моим Вергилием, который ввел меня в эстонский мир. В любой монастырь, в любую страну нельзя не только входить со своим уставом, но и просто одному. Тебя, может, и не обидят, но не примут дружески. Это я понял спустя год. Пока же я просто приехал на поезде в Таллинн, меня встретил Эду, и мы на трамвае поехали на улицу Кундери, где стоял дом в стиле немецкого модерна конца тридцатых годов. На лифте поднялись на четвертый этаж, на площадке дверь квартиры Эду была в углу. Мы вошли, я вошел как в музей. Квартира, в которой жили два поколения весьма известных актеров. На стене в коридоре перед входной дверью висела писаная маслом голая девушка. Картина показалась мне грубой, слишком ясно были вырисованы соски и волосатый треугольник внизу живота. Такой китч тридцатых годов. Тинн провел меня по квартире: в центре столовая, она же гостиная с роялем у стены, в центре комнаты продолговатый стол и полдюжины стульев. Две спальни, родительская и детская, кабинет Эду с диваном, на котором он спал, жена спала в детской. В коридоре и его кабинете вдоль стен стояли книжные полки. Да, важно добавить: он увидел у меня дома десяти томник Достоевского 1956 года, лежавший в углу, поскольку я как раз выкупил новое собрание в 30-ти томах. И попросил этот десяти томник, в этот приезд я как раз привез его. Эду был читающий, хотя спортсмен, даже президент эстонской федерации каратэ. Те несколько вечеров, что я провел в его квартире, мы играли в шахматы. И болтали, он мечтал,

Эдуард Тинн

что некогда Эстония станет независимым государством. Когда это случилось, он возненавидел эстонский национализм. Пока же он рассказывал мне (раньше я не слышал) об эстонской белой армии, которая с Юденичем остановила большевиков. Правда, с Юденичем на Петербург эстонцы не пошли, об этом он не сказал. Наверно, не знал. Не знал и того, что эстонцы кинули своих союзников, практически обобрали, а потом отправили на пару лет на лесоповал. Да, нехорошее было время. Когда СССР после войны прибрал к рукам Эстонию, прилетела ответка: несколько тысяч эстонских интеллектуалов оказались на лесоповале в Сибири.

Но эстонская моя расширенная, многомесячная поездка началась, когда Эду встретился на кладбище, где он произносил похоронные речи, с другом покойного отца. Тот был большой партийный начальник, удивился, увидев, чем занимается сын его друга. И пригласил зайти к нему в ЦК. После этого эстонский интеллектуал получил пост главного редактора центральной литературной газеты Эстонии *Sirp ja Vasar*. И у него появилась возможность большей самостоятельности.

И после этого он пригласил меня с докладом не в Русский драматический театр в Таллинне, как раньше (там играла его красавица-жена), а в Общесоюзный эстонский молодежный лагерь Ноорус (Noorus), рядом с Нарвой, под эгидой ЦК ВЛКСМ. Доклад я готовил долго, и он получился. Зал наполнился молодыми парнями лет тридцати, крепкими, одетыми в костюмы, без галстуков.

Девушки, высокие, спортивные, были под стать этим парням. Посмотрев внимательно в зал, Тинна я не увидел. Это было плоховато. Я читал доклад, где говорил о постоянном выборе России — азиатство или европеизм. Но в конечном счете, говорил я, Россия выбирала европеизм, стараясь брать его в очищенном варианте с опорой на античность и христианство. Сказав это, я вдруг подумал, что комсомолы к Богу относятся плохо и еще напишут на меня куда следует. И точно, тему эту они подняли. Встала девица, высокая, с прямыми волосами, и спросила: «А товарищ лектор является ли членом партии?» Я замялся, но ответил твердо: «Нет». Девушка коротко хохотнула: «Я так и думала». И села на свое место. Надо сказать, я был немного удивлен такой партийной заостренностью, считая эстонцев, как настоящих протестантов, прагматиками и идеологически нейтральными. Всё же в каждом мелком городке были действующие кирхи. После моего доклада поднялся местный лидер, поблагодарил меня за доклад и пригласил всех в сауну.

Там мне стало совсем тоскливо. Конечно, я прогрелся, но потом, когда все сели за столы с выпивкой и едой, меня никто не пригласил к банкету, и я присел за ближайший ко мне стол. Удивительно, как в переполненном зале можно почувствовать себя совсем одиноким. Ко мне никто не обращался, со мной не чокались. Это явно звучавшая в воздухе неприязнь к русскому давила меня.

Марина Киселева и Владимир Кантор

Я уже собрался было в свой номер, вылез из-за стола, распрямился. И тут открылась дверь, и в пиршественную залу вошел Эду и сразу направился ко мне: «Володюшка, ты что такой мрачный. Выше нос, товарищ Канто́р!» И обратился к эстонскому молодежному истеблишменту: «Это мой лучший друг, москвич, при этом великий философ Владимир Кантор». Дружеские преувеличения в застолье допускались. Подошел местный лидер, сказал, положив руку мне на плечо: «Ты хорошо говорил, нам понравилось». Я пожал плечами: «Что-то я не заметил». «Видишь ли, — с туповатой прямоотой функционера ответил он, — никогда не знаешь, кого Москва пришлет». Такое откровенное неприятие не просто русских, а даже советского большого начальства было неожиданным. К бытовой эстонской русофобии я почти привык, когда даже в приличном кафе, получив свиную отбивную, лучшее в эстонском меню, что эстонцы переняли у немцев, я спрашивал ножик и салфетку (вилка всё же у тарелки лежала), то получал от официантки в ответ практически откровенное хамство: «А что, разве русские пользуются ножами и салфетками?» Хотелось сказать что-то грубое, но воспитание не позволило.

Через несколько месяцев я оказался в Таллинне со своей второй женой Мариной. Эду в принципе было всё равно, с какой женщиной приезжал его друг, но к Марине он даже привязался, узнав, что в ней есть четвертушка мордовской (угро-финской) крови. То есть тоже отчасти чухонка. Ведь эстонцы — это чухонцы по-простонародному. Как писал Блок, «затерялась Русь в мордве и чуди». Вообще-то мы, высоколобые, мало об этом думали, люди же попроще, оказывается, в этом жили. Как-то я зашел к Льву Турчинскому в мастерскую при Пушкинском музее. Там давно уже шла пьянка, в холле на столе сидел худой мужик, увидев меня, он моргнул и протянул руку: «Ваня, угро-финн». Он сам себя идентифицировал, а сколько людей живут, даже не задумываясь об этом. Тинн потом всегда передавал привет «твоей угро-финке», то есть Марине. А в конце XVIII века все знали, что победителем Пугачева был подданный Российской империи эстляндский дворянин Иван Иванович Михельсон (1740–1807). Он был не эстонец, принадлежал к правившему Эстонией слою — прибалтийским немцам. В Эстонии, как в некоей лаборатории, можно было видеть вхождение низшего слоя в верхние пласты культуры. Михельсон стал для эстонцев своим, как и Тимотеус фон Бок, о котором Ян Кросс написал прекрасный роман «Императорский безумец». Я рецензировал этот роман. Михельсон, лютеранин, родился в Ревеле, нынешнем Таллинне и по праву считается представителем эстонской и русской культуры, подавившим пугачевский бунт, «бессмысленный и беспощадный», по выражению Пушкина, чтобы сохранить Российскую империю, Россию.

В первый приезд Эду поселил нас у своих друзей, актерской семейной пары. Комната их была увешана фотографиями Высоцкого, а в центре — самая большая, где Высоцкий стоял, обнимая за плечи Марину Влади. Примерно неделю или дней пять мы были хозяевами этой жилплощади, но к концу этих дней неожиданно для нас вернулись настоящие хозяева. Мы робко представились: «Марина и Володя. Мы готовы немедленно съехать». Они всплеснули руками: «Ох, надо же, Марина и Володя! Да мы вас не гоним! Что вы! Как-нибудь разместимся! Вы же из Москвы?»

Но, разумеется, я попросил позвонить Тинну, который почти сразу приехал и отвез нас на свою дачу в Муга, на берегу моря. Там был камин, мы пошли гулять среди домов, с искренним восторгом наблюдая аккуратные поленницы, чистые улицы между заборами (пятиметровки), ухоженные дворы. Жаль, что в нашей средней полосе такое редко встретишь, сказала жена. Гуляя, мы спустились к морю, прошли сквозь кусты на невысоком пригорке на песчаный пляж у воды. Дом у моря — это вызывало упоение.

Вечером я неумело растопил камин, на маленьком столике возле камина увидел небольшую открытую пачку сигар, достал одну и важно раскурил ее, хотя сигар не курил, но тут мне хотелось выглядеть по-европейски. Выглядел я, наверно, совершенно идиотически, но моя мудрая жена не сказала мне ни слова. Меня замутило, я вышел на улицу — отдышаться. Потихонечку пришел в себя, и весь вечер мы болтали о чуде эстонской культуры. И это был только быт, позже я открыл эстонскую литературу, и то, как после революции здесь сохранились и остатки старой русской культуры.

В тот вечер в Ноорусе мы пошли в номер Тинна и сели за шахматы. Игроки мы были весьма посредственные, но играли подолгу. При этом без конца говорили. И на этот раз тоже, причем тон и тему задал я. «Послушай, — я не стал ходить, — почему они относятся ко мне как к оккупанту? Почему? Я

Иван Иванович Михельсон (1740–1807), эстляндский дворянин, родился в Ревеле

Санкт-Петербург, 1721 год. Петр I объявляет Ништадтский мир на Троицкой площади.
Издание 1860 года (с картины А. И. Шарлеманя)

что-то не так сказал?» Тинн посмотрел на меня долгим взглядом: «Не к тебе, а к России. Эстония была свободной, а вы ее после войны захватили». Я почувствовал себя кем-то вроде лектора из общества «Знание» и даже руку поднял, призывая к вниманию: «Эду, ты же знаешь историю, знаешь про эстонский полк, воевавший с большевиками. Ты же мне рассказывал об уроженце Ревеля Михельсоне, который подавил пугачевский бунт. Значит, он был российским подданным! И никто Эстонию не завоевывал».

Эду пожал плечами: «Ты еще о Ништадтском мире мне расскажи и что Петр выкупил Эстонию у Швеции». «Ну да! — ответил я. — Так оно и было. Задолго до Михельсона. С 1721 года Эстония стала частью России. И так длилось до Октябрьской революции, когда империя распалась».

Из Нооруса Эду привез меня на свою таллиннскую квартиру на улице Кундери. Я ночевал в его кабинете на кожаном диване. Там я испытал книжное упоение, разглядывая русские эмигрантские книги. Шло у меня потихоньку понимание сложности движения истории. Добавлю, что Эду был членом партии, иначе не стал бы главным редактором. Но относился к своей партийности как к проездному билету. Он жил поверх барьера партийности. А двадцать лет независимости сформировали интеллектуальную элиту. Он водил меня к своим друзьям, таким же крупным парням со здоровым цинизмом. Но один из них, тоже театровед, как и Эду, кажется, его звали Юлев Алоэ, поболтав со

мною, вдруг сбегал на соседнюю улицу, где жил, и притащил мне несколько русских эмигрантских книг — Семена Франка «Непостижимое» (1939), «Крушение кумиров» (1924) и «Смысл жизни» (1925), а также Николая Бердяева «Смысл истории» (1923). Потом, когда я начал издание серии «Из истории отечественной философской мысли», том Семена Франка был составлен из книг, подаренных мне в Таллинне. Меня поразило в библиотеке Тинна сборник русского «короля поэтов» Серебряного века Игоря Северянина (Лотарева) — сборник переводов эстонских поэтов на русский. Оказалось, что он был женат на эстонке, Фелиссе Круут, она составляла для него подстрочники. «Откуда это у тебя?» — невольно спросил я. «Дед с ним дружил», — был ответ. Это пересечение наших культур поразительно. Вообще Эстония, прежде всего Таллинн и Тарту, — своеобразный перекресток, где встречались интеллектуалы разных стран. Наташу Горбаневскую я не видел с 1975 года, когда она эмигрировала во Францию, если общение и было, то через третьи руки, а в Таллинне мы вдруг встретились более чем через 30 лет. И узнали друг друга.

Стихи Северянина об Эстонии:

И вся ты подобна невесте,
И вся ты подобна мечте,
Эстония, милая Эсти,
Оазис в житейской тщете!

Благодаря Тинну я попал в круг эстонских интеллектуалов, актеров и писателей. Он постоянно печатал в своем журнале мои небольшие статьи, я ему поставлял тексты знакомых диссидентов, один из них, крутой диссидент Володя Гершуни, писавший палиндромы (из семьи знаменитого эсера-террориста), ходил и говорил, что эстонские коммунисты (все знали, что во главе журна-

С Натальей Горбаневской (1936–2013), поэтессой, правозащитницей, в Таллинне. 2010

ла партиец) ничего не понимают, что главный редактор, наверно, дубина. Поэтому его печатают. Тинн всё понимал, но авантюрная жилка в нем была сильна. «Пусть лучше называют меня идиотом, но не диссидентом», — ухмылялся он. Я начал читать эстонцев, в переводе на русский, разумеется. И открыл новый мир. Читал и писал о прочитанном. В советское время я много писал об эстонских прозаиках — Яане Кроссе, Мати Унте, Энн Ветемаа, Майму Берг.

С Мати Унтом мы славно болтали. С Леннартом Мери как-то ехали в одном купе из Москвы в Таллинн, общались,

потом Тинн отвез меня в его дом, Мери был невероятно умен и очень много знал, подарил мне свои книги, а потом утром (мы в его доме пили всю ночь) сказал своему шоферу отвезти меня в аэропорт, и в накопителе мне казалось, что я вот-вот умру... Не умер, однако. После смерти писателя и президента (в 1992 году он стал президентом свободной Эстонии) этот аэропорт получил имя Леннарта Мери. Но его жизнь — классическая жизнь эстонского интеллектуала. В 1941 году его семья была отправлена в Сибирь, где Леннарт с 12 лет работал на лесоповале. Отец Леннарта — дипломат и переводчик Шекспира. Знал свободно пять языков. Как писатель, историк и мыслитель, Леннарт Мери разрабатывал тему Эстонии и угро-финского субстрата, лежащего в основе многих стран и народов Восточной Европы, прежде всего России: угро-финские племена — важная часть Древней Руси, это очень хорошо чувствовал Пушкин, в его первой поэме «Руслан и Людмила» два волшебных персонажа — Финн и Наина, персонажи угро-финского этноса. Слово «Финн» всем понятно, но добавлю, что Наина в переводе с эстонского — это женщина.

Как пишут исследователи, интерес к этническому и культурному родству разбросанных финно-угорских народов был темой работ Леннарта Мери в те-

чение всей жизни. Перечислять его книги не буду, можно найти в интернете. А если вспомнить еще двух великих угро-финнов — мордвина патриарха Никона и мордвина протопопа Аввакума, — то и вправду тема угро-финского субстрата в России не покажется выдуманной. Стоит вспомнить Ключевского, цитирую:

Финны, по нашей летописи, являются соседями восточных славян с тех самых пор, как последние начали расселяться по нашей равнине. Финские племена водворялись среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь не заметно никаких следов присутствия славян. Уже Иорнанд в VI в. знал некоторые из этих племен: в его искаженных именах северных народов, входивших в IV в. в состав готского королевства Германариха, можно прочесть эстов, весь, мерю, мордву, может быть, черемис. В области Оки и верхней Волги в XI–XII вв. жили три финских племени: мурома, меря и весь. Начальная киевская летопись довольно точно обозначает места жительства этих племен: она знает мурому на нижней Оке, мерю по озерам Переяславскому и Ростовскому, весь в области Белоозера. Ныне в центральной Великороссии нет уже живых остатков этих племен, но они оставили по себе память в ее географической номенклатуре. На обширном пространстве от Оки до Белого моря мы встречаем тысячи нерусских названий городов, сел, рек и урочищ. Прислушиваясь к этим названиям, легко заметить, что они взяты из какого-то одного лексикона, что некогда на всем этом пространстве звучал один язык, которому принадлежали эти названия, и что он родня тем наречиям, на которых говорят туземное население нынешней Финляндии и финские инородцы Среднего Поволжья, мордва, черемисы. Так, и на этом пространстве, и в восточной полосе Европейской России встречаем множество рек, названия которых оканчиваются на *ва*: *Протва*, *Москва*, *Сылва*, *Косва* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоков, названия которых имеют такое окончание. *Va* по-фински значит *вода*. Название самой Оки финского происхождения: это — обрусевшая форма финского *joki*, что значит *река* вообще. Даже племенные названия мери и веси не исчезли бесследно в центральной Великороссии: здесь встречается много сел и речек, которые носят их названия. Уездный город Тверской губернии Весъегонск получил свое название от обитавшей здесь *веси Егонской* (на реке Егоне). Определяя по этим следам в географической номенклатуре границы расселения мери и веси, найдем, что эти племена обитали некогда от слияния Суховы и Юга, от Онежского озера и реки Ояти до средней Оки, захватывая северные части губерний Калужской, Тульской и Рязанской. Итак, русские переселенцы, направлявшиеся в Ростов-

Леннарт Мери (1929–2006), писатель, первый президент постсоветской Эстонии

ский край, встречались с финскими туземцами в самом центре нынешней Веллитороссии.

[Ключевский, 1987, с. 296–297]

Мое знакомство с Эстонией, любовь к ней становились в период открытости Эстонии. Плебейская русофобия ютилась тогда на нижних этажах культуры. Ксенофобия — везде страх чужого, которое кажется сильнее своего.

А однажды Эстония меня спасла. Я работал тогда над романом «Крепость», написал первые десять глав — и тут пошли сумасшедшие обыски у моих друзей. Возле моего дома дежурила машина, меня несколько раз останавливали на улице, проверяли документы и задавали вопрос: «А почему вы не едете в свою Америку?» Я отвечал: «У меня своя Россия есть!» «Вам было бы там лучше, — советовали они мне, — за вами не ходили бы по пятам». В «Крепости» один из персонажей называет членов Политбюро на трибуне мавзолея «15 человек на сундук мертвеца». Уже за одно это в начале 1980-х можно было сесть! И я попросил моего друга Эдуарда Тинна увезти эти десять глав в Эстонию, в Таллинн. А 1986 году забрал их и начал дописывать роман. Точнее, переписывать — с самого начала.

Всё мне нравилось в этой стране, кроме хамства молодых, полуобразованных, как называл такую публику Достоевский. Что касается русофобии ны-

нешнего эстонского начальства, то они ею пытаются замазать свою прошлую верную партийную службу советскому режиму. И дочь бывших партийных функционеров, живших припеваючи при советской власти, ныне требует: «Прекратите выдачу туристических виз россиянам. Посещение Европы — это привилегия, а не право человека». Кто она такая?! Говорит, что Россия в советское время устроила трудности с продуктами, поэтому ей приходилось есть вместо конфет сметану с сахаром.

Но вот эпизод из эстонского моего столкновения с полуобразованными молодчиками в Таллинне. Как-то меня пригласили в Таллиннский университет на две недели с лекциями. Жилье мне выделили в гостиничном корпусе при университете. Это была квартира-распашонка, две комнаты, гостиная и общий туалет. Правда, мне пообещали, что никого ко мне не поделят. Три дня так и было. На четвертый день в соседнюю комнату заселили двух девиц. Эду был у меня, мы сидели в гостиной и пили чай. Увидев нас, девицы нырнули в свою комнату, забаррикадировались и следующим утром съехали. А через день в комнате обосновались два здоровенных эстонских бурша, ворчавших при встрече со мной как цепные собаки. Но в гостиную они не выходили, вместе с выпивкой и закуской гужевались в своей комнате. Мы друг друга вроде бы не замечали. Меня это устраивало, только по утрам удивлялся, что перед

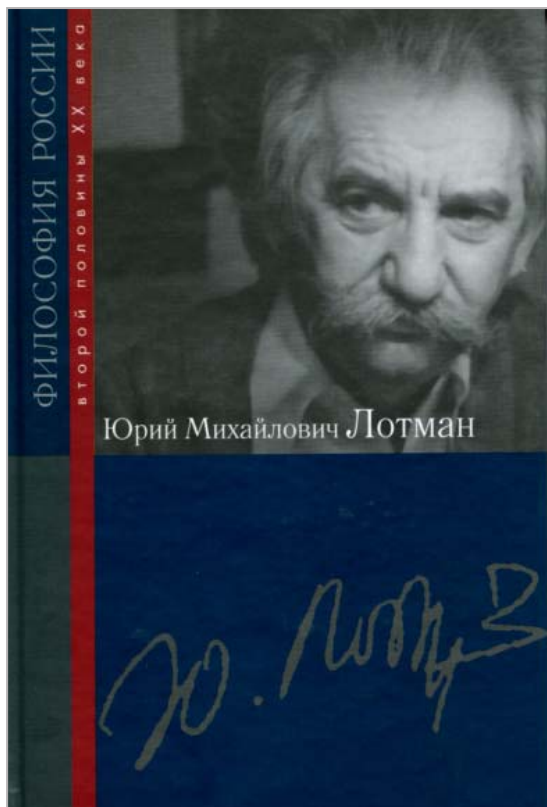

дверью комнаты стояло примерно восемь пар обуви, вперемежку женские и мужские туфли. Уж как они там размещались — загадка! Но разгадывать ее я не собирался. Но в последний день табу пришлось нарушить. В 17.00 отходил поезд на Москву. Встал я примерно в восемь. Я хотел принять душ, выпить кофе и, заехав к Эду, двигаться к вокзалу. Выйдя, однако, из комнаты, я не то чтобы остолбенел, но ошалел, это точно. Весь коридор был в блевотине, издававшей омерзительный запах. Кое-как я пробрался в туалет, потом в ванную. О душе думать было нечего. Я человек мирный, но тут разозлился. Пробравшись к их комнате, я постучал в дверь. Никакой реакции. Тогда, закипая постепенно, я ударил в дверь ногой — раз и другой. И тут вылез самый здоровый из двух с опухшей мордой и злобным взглядом. Вместо утреннего приветствия я указал рукой на пол и спросил: «Это твоя работа?» Голос его приобрел совершенно хамский оттенок: «Я этот язык не понимаю». Хамство было очевидно, но я пытался его смягчить: «Инглиш?» Он ответил: «Ноу!» Тогда, припомнив что-то об эстляндских немцах, я перешел на немецкий: «Sprichst du deutsch?» И неожиданно услышал: «Ja!» Тогда я сказал очень злобно: «Schweine! Das ist deine Arbeit? Du muss alles putzen! Verstehst?» «Jawohl, Herr Professor!» — так солдат отвечает офицеру. Я ушел в свою комнату. Через час коридор, туалет и ванная были чистые. Похоже, их девушки тоже пол драили.

После такого же российского ксенофобического хамства я обычно читал Пушкина, Чехова, Ахматову, а здесь были Яан Кросс, Леннарт Мери, да и тартуский Лотман, которому именно Эстония помогла состояться. И прекрасный старый Таллинн с его кривыми улочками и химерами на стенах.

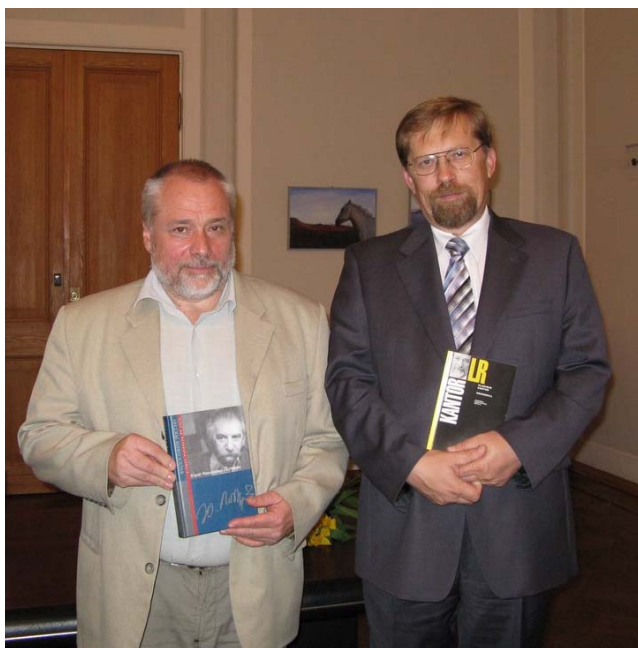
Ну и, конечно, эстонские друзья, Тинн прежде всего...

Теперь о Лотмане, это еще одна ниточка, связавшая меня с Эстонией. Издательство РОССПЭН затеяло продолжение серии «Из истории отечественной философской мысли», которое называлось «Философия России второй половины XX века». Руководитель серии Владислав Александрович Лекторский, зная о моих симпатиях к Эстонии, предложил мне

Юрий Михайлович Лотман.
Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009

Посол Эстонии Симму Тийк и Владимир Кантор в эстонском посольстве в Москве. Презентация книги о Лотмане и романа Кантора «Крокодил» на эстонском. 3 сентября 2009 года

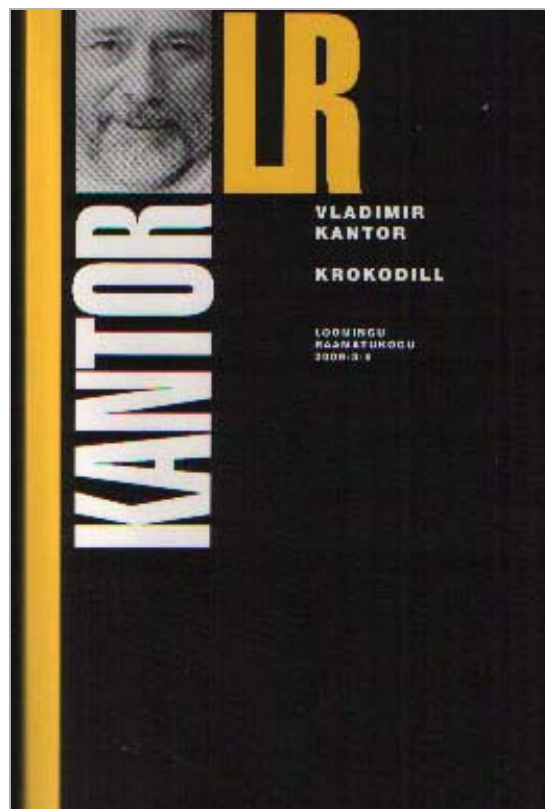
В. А. Лекторский и В. К. Кантор на презентации книги о Лотмане. 3 сентября 2009 года

подготовить том о Ю. М. Лотмане. Я согласился, собрал тексты российских, немецких, польских и эстонских авторов. Том этот принес мне неожиданные дивиденды.

Уже не помню, как о выходе тома Лотмана узнали в эстонском посольстве, но мне предложили провести презентацию этого тома в посольстве. На презентацию пришли академик Лекторский, академик Гуссейнов, директор издательства РОССПЭН Андрей Сорокин, один из авторов сборника Наталья Автономова, Владимир Кантор как составитель тома и эстонский посол Симму Тийк.

Добавляю из многих только фото с Лекторским, который подвиг меня на создание этого тома. Вообще 2009 год оказался для меня очень эстонским.

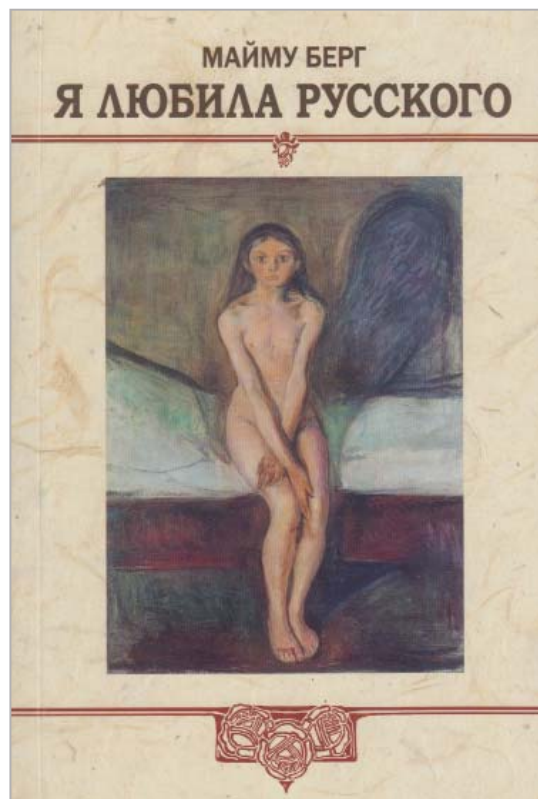
Я получил от ректора Таллиннского университета Рейна Рауда стипендию имени Лотмана на четырехмесячное

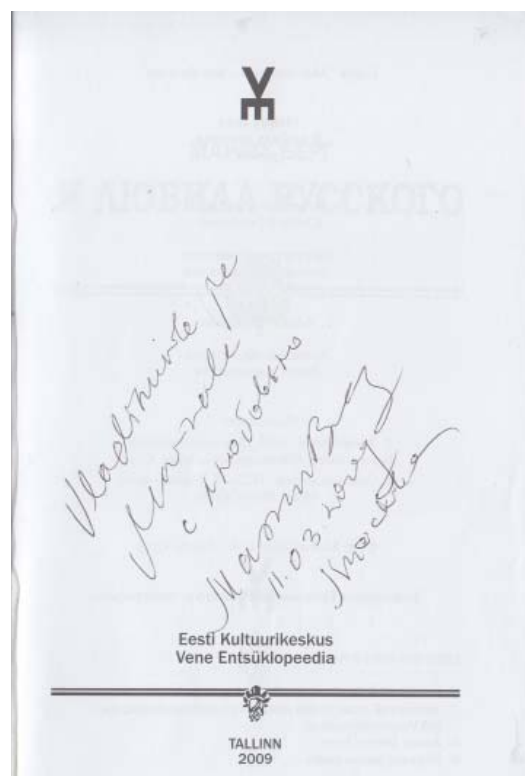
пребывание в Таллинне. На эстонский перевели мой роман «Крокодил», он был опубликован в издательстве Looming. Перевел, как мне говорили, лучший переводчик с русского Юрий Оямаа.

Я написал несколько статей об эстонских романах. Романы все были хороши, но один женский роман меня поразил. А сегодня он звучит вызывающе актуально. Это рассказ об отношениях тринадцатилетней эстонки и взрослого русского мужчины.

Я написал о романе статью под названием «Любовь всегда трагедия» («Дружба народов», 2009, № 10). В романе описывается нетривиальная для северного народа любовь девочки и мужчины. Понятно, что Майму в романе полемизирует с набоковской «Лолитой». Набоков иронизирует над ставрогинским грехом («Бесы» Достоевского), его герой любит и взрослую Лолиту. Но это рассказ с точки зрения мужчины. Словно у женщи-

Майму Берг, писательница

ны, даже подростка, нет желаний. У Майму зеркальный взгляд на проблему. В романе любовная ситуация с точки зрения малолетней девицы. И показано, что не только мужчина любит, но и девушка — вполне активная сторона. Но не просто малолетка оказывается в сексуальной связи с взрослым мужчиной, но — и это не менее важно для романа — *эстонка любит русского*. А к русским отношение было напряженное. Любовь к русскому была запретна уже сама по себе, могла восприниматься как национальное предательство. А тут и такая разница в возрасте! Монтекки и Капулетти! Джульетте — 14 лет, всего на год больше, чем героине. Момент ксенофобии в романе стóит смертельной вражды двух родов — Монтекки и Капулетти. Кончается тем, что русского за соращение эстонской девочки сажают на много лет в тюрьму. А ее заставляют предать возлюбленного. Жизнь девочки разрушена.

Ксенофобия разрушает даже искреннюю любовь. С Майму я познакомился в Таллинне на презентации моего эстонского «Крокодила». Она надписала мне свою книгу.

В том же 2009 году ректор Таллинского университета Рейн Рауд, преодолевая нелюбовь к русским, предложил провести презентацию моего эстонского «Крокодила». Надо сказать, с Рейном у меня установились хорошие отношения. Мы даже у него в гостях были с Мариной, познакомились с его женой, литовкой по имени Росите. На презентацию народу пришло немного, в основном друзья.

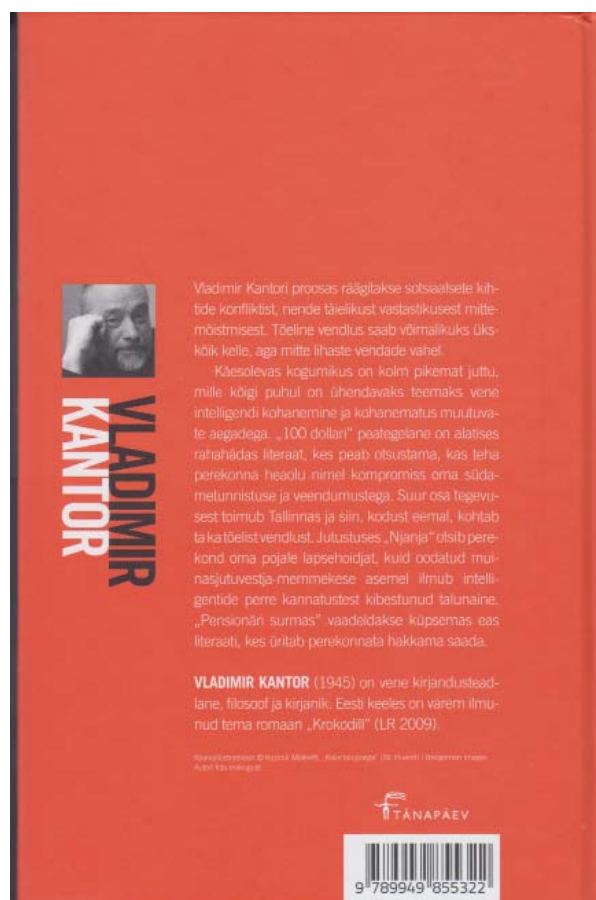
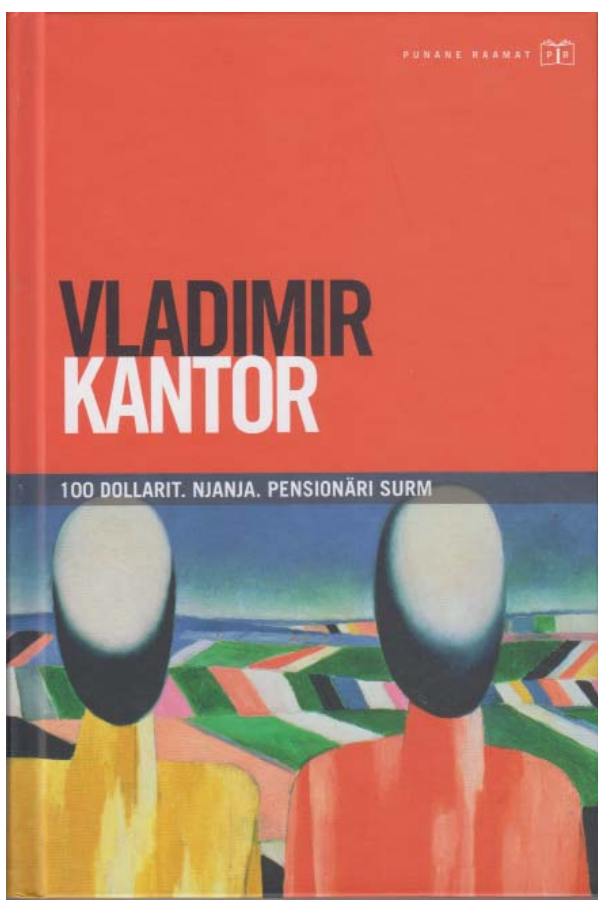
Владимир Кантор и Юрий Оямаа (1932–2017) на презентации романа Владимира Кантора «Крокодил» на эстонском (2009) в переводе Юрия Оямаа. Рядом с Юрием — издательница Ану Салуар, на заднем плане — Рейн Рауд

Был, разумеется, Эдуард Тинн, Майму Берг, доктор филологических наук, профессор Ирина Захаровна Белобровцева, ученый с мировым именем, именно она и познакомила меня с Юрием Оямаа, сказав много хороших слов о моей прозе.

Немного прерывая нить моего повествования, должен добавить, что в 2019 году в Таллине вышла еще одна моя книга на эстонском с тремя повестями в переводе Юрия, — вышла спустя два года после его смерти. Эти два года переводы лежали в издательстве, пока там не нашли денег.

Но нашли! И вот эта книга.

И в том же моем эстонском доковидном и досанкционном 2009 году я убедился, что открытость миру у малого народа очень его обогащает. Мне как-то позвонил Рейн и сказал, что сегодня в университете выступает с открытой лекцией турецкий профессор на тему «Стамбул как третий Рим». Он из стамбульского универа (Istanbul University). Рейн добавил, что кроме меня ответить турку некому: эстонцы не знают об идее, что Москва — третий Рим, а ты знаешь и сможешь вести диалог. «А на каком языке он доклад будет делать?» — робко поинтересовался я. Мне было неловко показать свою лингвистическую тупость перед человеком, свободно говорящим на десятке языков. Но он всё понял и сказал: «На английском, разумеется!» Я поспешил ответить, что я читаю,

но устный английский не силен у меня. Рейн хмыкнул: «Не волнуйся, у него турецкий английский. Всё поймешь. И ответишь на своем русском английском. Не волнуйся».

Турецкий ученый сидел на эстраде, мы с Рейном в зале, я слушал и с перепугу всё понимал. Идея турецкого профессора имела два основания: 1) вокруг Константинополя уже были поля, которые обрабатывали турки-сельджуки, так что падение Константинополя было лишь вопросом времени; 2) если идея империи имеет в основании монотеистическую религию, то почему ислам хуже, чем христианство?

Вступать в конфессиональный спор в данном случае было бессмысленно. Я только заметил, что существует «гений места», в данном случае в роли такого гения места выступает Константинополь, который считается центром Европы, не случайно Константин возводил здесь свою столицу. Существовал, как известно, проект Екатерины Великой о создании «Великой Греко-Российской Восточной Державы», которую она прочила своему внуку Константину — со столицей в Константинополе. Надо сказать, что о «византийском наследстве» начали говорить положительно со времен Екатерины, когда сквозь Византию разглядели античную Грецию — родоначальницу европейской культуры. Поэтому именно Турция, а не Россия сейчас претендует на вступление в ЕС. Однако идея, миф «третьего Рима» — это не только мечта об империи, а мечта о спасении христианства. Вот это я и хотел бы подчеркнуть.

И тут вдруг турецкий коллега разволновался и перешел на турецкий, как я догадался. Я растерянно посмотрел на Рейна. Он встал и с легкостью перевел слова с турецкого для меня на русский и для публики на эстонский. Потом мой ответ перевел на турецкий.

Вот эта открытость миру поразила меня тогда. Она и сделала Эстонию европейской страной.

Рейн Рауд, ректор Таллиннского университета, гениальный лингвист, знающий 22 языка

За это я и полюбил Эстонию.

Сегодня худо. Но когда-то и в Германии было худо. Как писал Томас Манн, *пещерный медведь национализма вывел страну за пределы Европы*. Но вот Гитлер и нацисты убралась, а Германия осталась. Останется и Эстония, независимая и без ксенофобического бреда.

Список источников

Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. I: Курс русской истории. Часть I. 430 с.

References

Klyuchevskii, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom I: Kurs russkoi istorii. Chast' I* [Works: in 9 vols. Vol. I: The Course of Russian History. Part I]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022;
одобрена после рецензирования 02.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022;
approved after reviewing 02.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.